

напустский
Квест

ВЕРАРЬЕ

**ПАРАДОКС
АПОСТОЛА**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А89

Художественное оформление серии
Сергея Власова

Издание осуществлено при содействии Ю. Гумен

Арье, Вера.
А89 Парадокс Апостола / Вера Арье. — Москва :
Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-101090-4

В этой истории о любви и отчуждении, преступлении и жертвенности — всего понемногу: и остроты криминальной интриги, и накала человеческих страстей. Случайно встретившись на побережье Корсики, ее герои — французский журналист Родион и греческий хореограф Анна — оказываются в центре криминальной головоломки. События романа разворачиваются на фоне средиземноморских пейзажей, а затем приводят читателя в Париж.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101090-4

© Абрамова Е., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

...ибо нет ничего сокровенного,
что не открылось бы, и тайного, что
не было бы узвано.

Евангелие от Матфея
(Мф. 10:26)

ЧАСТЬ I

Глава 1

Грегаль, суровый ветер Средиземноморья, в этих краях называли коротким словом «грек». Стремительный и резкий, он всегда налетал неожиданно, заставляя остров врасплох. И в этот раз своим дурным привычкам «грек» не изменил, обрушив на разомлевшее от зноя побережье внезапную шквальную бурю. Под яростным натиском воздушных потоков море вскипало, накатывало на берег, жадно слизывая брошенные у кромки воды вьетнамки и солнечные очки, подбираясь к лежакам и полотенцам. Отдыхающие хватали свои вещи и засовывали их как попало в объемные сумки. Спасатели стояли в бурлящей воде, помогая выбраться тем, кто никак не мог справиться с огромными волнами. Дождь безжалостно хлестал по лицам, словно наказывал людей за преступное легкомыслие...

За окном, протяжно всхлипнув, хлопнули ржавые ставни. Анна вздрогнула и выпрямилась в жестком кресле, в котором провела эту тревожную ночь. Вокруг было темно и неестественно тихо, под потолком гостиничного номера зыбко мерцал маячок пожарной сигнализации.

«Звонить!» — прошумело в голове. Срочно звонить в полицию, жандармерию или как она у них называется! Но на часах только шесть утра... Рано, ничего внятного они ей не скажут. Со слов спасателей, вертолет должны отправить на поиски лишь на рассвете. Значит, до десяти ситуация точно не прояснится. А ее рейс, кажется, в девять двадцать... Может, еще не поздно поменять билет? Но как она потом объяснит это мужу? Всемирный форум кардиологов, где Харис выступал с докладом, закончился еще в пятницу. На завтра у него запланирована серьезная операция, пациента готовили к ней несколько недель, поэтому обратный вылет в Афины откладывать просто нельзя...

Сердце билось о грудную клетку, как маленький черный дрозд, случайно залетевший в их дом прошлым летом. Он отчаянно метался, то и дело натываясь на кристальные окна панорамной гостиной, словно не понимая, почему воздух местами сгущается и никак не выпускает его на волю...

Анна распахнула чемодан и принялась сгребать в него все, что попадалось под руку. Может, связаться с утра со спасательной станцией, вдруг его нашли? Нет, сначала жандармерия. Фамилия... ведь она даже не знает его фамилию...

Деревня, где находился ее отель, просыпалась рано.

Первыми пробуждались блудливые корсиканские псы: один из них подавал голос с самой вершины горы, и в считанные секунды его ленивый лай подхватывал разноголосый хор всех мастей и пород. Сидя на высоком подоконнике, Анна пыталась закурить. Руки дрожали.

Она доедет до аэропорта и оттуда позвонит. Должна же у них быть хоть какая-то информация, не каждый день люди в море пропадают!

Такси ловко взбиралось в гору по узкому серпантину, где с трудом могли разойтись две машины. Придерживая руль одной рукой, не сбрасывая скорости на поворотах, водитель разговаривал по телефону на местном певучем диалекте. Навстречу попался очередной дорожный указатель с названием населенного пункта на двух языках: французская версия была грубо замазана черной краской.

— Вам понравилась Корсика? Есть желание вернуться? — шофер наконец-то решил завести с ней разговор.

— Чудесный остров, — вежливый ответ в надежде, что он отстанет.

— Любой корсиканец скажет, что лучше места на земле просто нет. *Kal-lis-té!*¹ Вы только посмотрите, какая природа!

Анна послушно взглянула в окно на ленивое, ровно дышащее море — будто и не было накануне этого разрушительного шторма.

— В следующий раз советую остановиться вот в этом месте. — Он указал в сторону тихого прибрежного поселка. — Здесь прекрасный песчаный пляж, несколько хороших ресторанов, и вон там, видите, две церкви? Одна из них греческая.

Поймав в зеркале заднего вида ее заинтересованный взгляд, он добавил:

— Да, представьте себе, здесь и на восточном побережье живут несколько десятков греческих семей. Даже кухня у них со своим колоритом...

Таксист говорил что-то еще, и она, кажется, довольно связно отвечала, но глаза были прикованы к часам — стрелки ползли так медленно, словно проверяли ее нервы на прочность.

Наконец за изгибом дороги показалось здание аэропорта. В его сверкающих стеклянных плоскостях отражался дрожащий диск едва взошедшего

---

¹ *Kal-lis-té* (греч. *Καλλίστη*) — «Самая красивая», название, данное Корсике древними греками.

солнца, скупая южная растительность, рваные ряды запаркованных в зоне вылета машин...

С трудом вынырнув из плотного людского потока, движущегося одновременно во всех направлениях, Анна оказалась возле нужной ей стойки регистрации. Она вытащила из сумки паспорт, изо всех сил подавляя в себе желание прыгнуть в такси и помчаться напрямиком в жандармерию Кальви. Или в центральную городскую больницу? И как она не подумала о ней сразу?! Может, за ночь что-то изменилось, он был найден и находится сейчас там...

— Мадам, вы путешествуете одна? Вас устроит двенадцатый ряд, место у прохода? — сотрудница «Эр Франс» смотрела на нее выжидательно.

— Да, конечно... мне это, собственно, неважно... Скажите, а рейс, случайно, не задерживается?

— Нет-нет. — Девушка улыбнулась снисходительно, видимо, уловив слабую надежду в ее голосе. — Самолет вылетает по расписанию.

* * *

Десять цифр, долгие гудки, щелчок, соединение.

— Жандармерия! — неприятно рявкнула трубка. Впрочем, именно так и должен, наверное, отвечать блюститель порядка, заступивший на службу в столь ранний час.

— Здравствуйте, — голос дрожал от волнения и даже при безупречно верном произношении выдавал в ней иностранку.

— Слушаю! — поторопил ее баритон.

— Я звоню по поводу того, что случилось вчера во время шторма на городском пляже Кальви...

— А именно?

— Вы, наверное, в курсе: во второй половине дня в море пропал виндсерфер. Его разыскивали четыре спасательные лодки до самого вечера.

— И что же?

— Сказали, в темноте поиск бессмыслен и с утра вылетит вертолет... Я хотела узнать: что-то прояснилось?

— А вы, простите, кем приходитеесь потерпевшему? Прямая родственница?

— Я его хорошая знакомая, мы вместе пришли на пляж в тот день, начался внезапный шторм, и он исчез в открытом море...

— Фамилия?

— Я как-то не успела у него спросить...

— Мадам, прошу меня извинить, но по закону мы не имеем права разглашать подобную информацию лицам, не состоящим с потерпевшим в близком родстве, — отрезал жандарм. — Впрочем, даже если бы вы и были его родственницей, то я вряд ли мог вас чем-то порадовать — нам никаких сигналов не поступало.

— Но речь идет о человеческой жизни! Спасатели заверили меня...

— Вот и звоните на спасательную станцию, возможно, ваш друг уже давно найден и согревается кофейком в ближайшем бистро!

Гудки. Конец соединения.

Анна принялась искать нужный номер. С трудом обнаружив его на запутанном сайте муниципалитета, долго слушала тишину. Наконец, трубку сняли. «Да, здравствуйте, что? Нет, вчера была не моя смена, пока не в курсе, перезвоните позже...»

Как, как все это возможно?! Вороша жесткие волосы, она пыталась убедить себя, что еще есть шансы все прояснить...

— ...Авиакомпания «Эр Франс» в Ниццу, срочно пройдите на посадку. Повторяю, госпожа Анна Илиади, рейс 9462 авиакомпании «Эр...»...

Она чуть не опоздала на самолет.

Стюардесса в безукоризненно сидящей форме любезно проводила ее к месту у прохода в двенадцатом ряду.

* * *

— Аγάπι μου¹, ну почему бы тебе не поехать? — Харис снял очки и положил их поверх папки с документами. Он устало потер лицо своими больши-

---

¹ Любовь моя (*греч.*).

ми ладонями, напоминая засидевшегося допоздна сутулого студента.

— Харис, я хочу побыть с тобой. Ну часто ли у нас бывает отпуск и время друг для друга? Ты работаешь даже в выходные — со всеми твоими плановыми и внеплановыми...

— Анна, сердце, мы провели чудесную неделю в Провансе. Ницца — это другое. Мировой форум, «всепланетные светила» в полном составе, сплошные профессиональные встречи и разговоры... Помнишь наш последний ужин с профессором Нойманном? Мне показалось, это отбило у тебя охоту участвовать в подобных мероприятиях.

Встреча с доктором Нойманном действительно врезалась ей в память. Они ужинали во французском ресторане в районе Афинской Ривьеры: приглушенные бра, тончайший фарфор, сатиновая скатерть и вышколенные официанты. Муж с профессором пришли раньше, а Анна, как назло, задержалась в студии. Войдя в зал, она сразу увидела Хариса: он был на голову выше других, его просто невозможно было не заметить. Между ним и профессором шел оживленный разговор. Анна под села к столу и, извинившись за опоздание, начала изучать меню.

— Так вот я скажу вам: смысла в этой операции нет, — подытожил Нойманн.

— Мне трудно с этим согласиться, — мягко возразил Харис. — До тех пор, пока остается хоть один шанс спасти человеку жизнь, стоит пробовать все, что есть в арсенале.

— Да нет ничего в арсенале. Это врожденное заболевание, он обречен. Месяц, два... И чем раньше такой человек умрет, тем меньше душевных сил уйдет у его родственников на призрачные ожидания. И тем скорее его здоровые органы будут отданы людям, которые в них нуждаются.

— А если бы речь шла о близком вам человеке? — вмешалась Анна, вспомнив про отца. Ведь правильное и своевременное лечение могло бы спасти тому жизнь...

— Даже если бы шла, милая, — профессор закурил, выпуская из ноздрей плотный едкий дым. — Моя жена долго страдала от страшного недуга. Последние годы я едва ее узнавал. А она меня и вовсе не узнавала, горела в аду болезни. Я упорствовал: менял схемы лечения, подключал экспериментальные препараты, лишь продлевая тем самым ее агонию... В душе я, знаете, все надеялся, — Нойманн посмотрел куда-то вверх, — все ожидал...

Припечатав окурочок ко дну пепельницы, он углубился в чтение карты вин.